

Простые вещи на радио «Град Петров»
(Санкт-Петербург)

Протоиерей Алексей Крылов
настоятель церкви Рождества Иоанна Предтечи (Чесменской)

и

Марина Валентиновна Михайлова
кандидат философских наук, доцент кафедры
искусствознания Санкт-Петербургского
государственного университета кино и телевидения

в авторской программе «Словарь»
на радиостанции «Град Петров»
10 мая 2006 года

НЕБО

М. Михайлова: Дорогие братья и сестры, мы с вами продолжаем наш разговор о словах, которые даются нам как знак опыта — опыта человеческого, опыта духовного. Сегодня я хочу предложить вам для размышления слово, которое, можно сказать, открывает Библию: «В начале Бог сотворил небо и землю».

Сегодня тема нашего разговора — это небо, и я рада представить вам человека, очень подходящего для того, чтобы об этом поговорить. Конечно, мне хотелось найти летчика, чтобы говорить о небе, летчики в небе живут. Но летчика не случилось, зато у нас с вами в гостях протоиерей Алексей Крылов. Человек с именем Крылов — он знает, что такое полет, небо, и вот его-то мы обо всем спросим. Здравствуйте, батюшка.

Прот. А. Крылов: Спасибо. Думаю, что сегодняшний наш разговор будет полезен и интересен для всех нас и для меня самого, в частности.

М. Михайлова: Спасибо.

Прот. А. Крылов: Фамилия Крылов, правда, наперед скажу, церковная. Видимо, от слов «клирос», «крылос», не совсем от «крыльев».

М. Михайлова: Но церковь — небо на земле, потому нельзя сказать, что небо ни при чем.

Прот. А. Крылов: Правильно, поэтому будем говорить о небе. Марина, дорогие радиослушатели, тема это огромная, и поэтому, может, сначала я несколько слов скажу, чтобы мы увидели те, скажем так, главы, о которых мы могли бы говорить. Хотя у нас и немного времени, но как-то успеем. И сначала — «Сотворил Бог небо и землю»: конечно же, имеется в виду мир видимый и невидимый. А понемножку в Священном Писании мы увидим, что небо — это и обычное небо над головой, и у этого неба бывает и погода какая-то, оно бывает ветреным и дождливым. В то же время почти всегда небо, небеса имеют высший смысл, высшее значение: это и Царство Небесное, то небо, к которому мы призваны. Кроме того, может, мы смогли бы поговорить о том, как сейчас мы решаем небо, что оно для нас сейчас. Это может быть и будет и в культурном, поэтическом плане, и, конечно, как некий опыт внутреннего размышления, внутренней жизни нашей.

М. Михайлова: Да, и то и другое очень интересно, тем более, что поскольку мы люди верующие, люди церковные, то для нас опыт библейского переживания и личного, наверное, очень тесно переплетаются. Нельзя сказать, что вот это — только богословие, а это — только мое переживание, правда же?

Прот. А. Крылов: Конечно. Именно библейское размышление о небе и обо всем на свете должно переработать нашу душу, должно, как мы скрипочку настраиваем, настроить ее — и тогда можно сыграть. А если скрипочку не настроишь, сколько по струнам не пили, не будет результата. «В начале Бог сотворил небо и землю»: мы вернемся к началу, и вот «небо», слово еврейское «шемаим» — это вместилище вод. «В начале Бог сотворил небо и землю», и это еще до творения какого-то видимого мира. В начале Бог сотворил видимое и невидимое — мы так можем понять. А потом, в четвертый день, мы узнаем, что Господь творит солнце и луну для освещения земли, и некоторые могут спросить: как же получается, что вначале Господь сотворил, например, свет, и даже сотворил растительность и древо плодовитое, и только в четвертый день появляется солнце? Мне кажется, у Василия Великого есть такое очень красивое об этом раз-

мышление: он сказал, что для того, чтобы тварь, творение не почитало солнце Богом, Господь отложил сотворение его.

М. Михайлова: Да, это действительно мудрые и достойные слова.

Прот. А. Крылов: Конечно, небо зачаровывало ветхозаветного человека, зачаровывает и нас. Например, когда Господь давал обетования Аврааму, он вывел его, и показал ему небо, и сказал, что потомство его будет, как звезды на небе и как песок морской. И какого-то настоящего противопоставления неба как просто физического неба, такого, как о нем сейчас люди размышляют, и неба духовного в Священном Писании нет.

М. Михайлова: Наверное, то видимое небо, которое над нами простирается, и рождает в человеке впервые мысль о Боге. Это тоже интересно: когда размышляют ученые об имени человека «антропос» («прямоходящий»), они говорят, что отличие человека от животного, схваченное этим словом, заключено в том, что животное четвероногое всегда смотрит на землю, туда, где есть пища, где можно добыть добычу, водопой найти и так далее. И человек — это единственное существо на земле, которое встает на ноги, чтобы ему видеть небо, и обращает к нему свою жизнь, свою энергию, свою надежду, не на то, что бегаем и растем на земле, а вот туда, к свету и к этому невероятному простору, в котором живет Господь.

Прот. А. Крылов: Конечно, достойное размышление. Правда, в святоотеческом аскетическом предании иногда напоминали монахам, что им должно смотреть в землю, потому что «земля ты и в землю отыдеши». Но это скорее для смирения. Взгляд же на небо связан с переживанием красоты Божьего творения. Вот, например, 103 псалом, с которого начинается вечерня. Там дивная картина творения, и о небе, конечно, справедливы слова псалмопевца: «Ты одеваешься светом, яко ризою, ты простираешь небеса, как шатер». В ветхозаветном представлении небо — это шатер, свод таковой. Отчасти это представление сохранилось в нашем языке: мы говорим, что звезды *на* небе, солнце *на* небе — как на каком-то своде, на поверхности.

М. Михайлова: Интересно, что мы с Вами, не сговариваясь, какие-то похожие вещи, может быть, и хотим прого-

ворить. Если честно, я тоже об этом думала, потому как встает вопрос: что такое небо для древнего человека, можно даже сказать, для дохристианского сознания? Это граница, граница мира. Центр мира — это земля, а небо — это некая поверхность, которая наш мир отделяет от не-мира, от чего-то совсем другого, от не-космоса. И когда человек открывает для себя небо как жилище Единого Бога, тогда все меняется, потому что небо становится уже не границей твердой, а наоборот: это глубина. Вот так же, как Господь непостижим, непостижимы его пути, глубока Его премудрость, так и небо вдруг становится глубиной. Я никогда об этом не читала, ни в какой литературе, но мне кажется, что само открытие, даже астрономическое, математическое открытие бесконечности, может быть, связано уже с христианским переживанием неба как невероятной глубины, которая уходит в глубь мира. И эта глубина не пустая, потому что там есть Тот, Кто владеет небесами, Кто там живет.

Прот. А. Крылов: Я с вами согласен, хотя думаю, что рационалистическое, научное размышление о небе украло у нас небо, у нас похитили небо. Но хотел бы сначала несколько слов сказать о том, что такое небо как жилище Бога, как об этом размышляли в Ветхом Завете, в Новом Завете. Об этом, без сомнения, все Священное Писание. Нам нужно найти какие-то слова, вспомнить, как об этом размышляет Священное Писание.

М. Михайлова: Батюшка, очень интересно, слушаем, что же в Ветхом Завете есть о небе.

Прот. А. Крылов: В Ветхом Завете... Мы бегло вспомним. Например, в Вавилоне решили построить башню до самого неба. Но Господь сошел и смешал языки, и вавилоняне рассеялись по лицу земли. Это попытка каким-то механическим или только человеческим способом достигнуть неба, но значит, в душе есть тяга к небу, к обители Бога. Мы помним, что открылись окна, шлюзы небесные, и начался потоп, и только Ной спасся. Господь в небе полагает радугу как знак мира между Богом и человеком. На небе происходят какие-то события. Мы помним с вами пролог книги Иова, когда сначала события этой книги развиваются на небе, там Господь пребывает, и дьявол говорит Ему о том, что так ли праведен Иов на самом деле, и начинаются испытания Иова.

Но по-настоящему, конечно, небо звучит в Новом Завете. Проповедь Нового Завета начинается: «Приблизилось Царство Небесное», это настоящее переживание. Господь говорит о Царствии Небесном, говорит о награде, приготовленной на небесах, о сокровище, которое надо собирать себе на небе. Он всегда говорит о небе не как о чем-то чудесном, далеком от реальности, а как о том мире, который Его мир: Он Царь Небесный, и Ему дано знать тайны Царства Небесного, и Он открывает их апостолам. Он Хлеб, сошедший с неба. Он говорит: «Дана мне всякая власть на небе и на земле», и эту власть дает и апостолам, Он посылает их, и Он говорит им: «Что свяжете на земле, будет связано и на небе». Значит, небо становится к нам по-настоящему близким. Вот это и есть Новый Завет. Конечно, есть и еще очень важная сторона: небо — это Пресвятая Богородица, мы можем так созерцать, размышлять об этом. Ведь Она — храм Божий. Господь — Царь небесный, и Пресвятая Богородица носила в себе Господа. Вот пример: облачения на богородичные праздники голубые, и небо голубое. Постараюсь образ вам дать, чтобы понять это: ведь небо голубое, потому что оно хранит рассеянный солнечный свет. Свет... Господь наш — Свет, и вот как можно увидеть свет? Прямой свет ведь мы не видим, для того, чтобы свет увидеть, нужно поставить экран, например. Об этом есть размышления у отца Павла Флоренского, в его «Иконостасе»: с одной стороны, иконостас от нас отделяет алтарь, небо, Царство Небесное, но с другой стороны, только благодаря иконостасу через образы Господа, Пресвятой Богородицы, святых мы видим небо, как через некий экран. Значит, с одной стороны, он отделяет от нас небо, с другой — дает его увидеть. Также и свет: если мы хотим увидеть его, нужен экран или другая среда. Все видели в храмах дивную, зачаровывающую душу картину, как солнечный лучик просвечивает...

М. Михайлова: Через ладан...

Прот. А. Крылов: ...Мрак такой или сумрачность храма, и восходит дым кадильный, и свет тогда рассеивается — и пойман свет.

М. Михайлова: Да, он видимым становится.

Прот. А. Крылов: Как Пресвятая Богородица носила в себе Господа нашего, так хранило его также и небо в своей голубизне. Небо хранит свет и дает нам его, дарует. Пресвя-

тую Богородицу в стихирах называют, например, «небом одушевленным». Еще, раз мы говорим о Пресвятой Деве, чудное есть размышление, стихира под Рождество. Я помню ее. Я буду говорить и по-славянски, и по-русски, так, чтобы мы сразу понимали: «Каяжды бы от тебе бывших тварей», т. е. все Тобою сотворенное, «благодарение, Господи, тебе приносим». И какое это благодарение? «Небеса — звезду, земля — вертеп, ангелы — пение, пастыри — чудо». «Чудо» — по-славянски, а по-русски было бы «удивление». «Волхвы — дары, мы же (то есть род человеческий) — мать-деву».

В Откровении Иоанна Богослова мы услышим слова дивные и зачаровывающие нас: Иоанн созерцает и говорит, что увидел новое небо и новую землю, и прежнее небо и земля уже миновали, и моря нет, и новый Иерусалим, сходящий с неба, он видит. Что это значит? Когда-то Господь сотворил мир из ничего. Но больше Он его не сотворит из ничего, новое небо и новая земля — это уже будет преображенное небо и земля, и новый Иерусалим будет. Это к нему мы призваны. И во втором пришествии мы с вами будем восхищены «в сретение Господне на воздушех» на небо, мы выйдем навстречу Ему. Как встречают царя и процессия выходит из города, так и мы с вами, христиане, будем восхищены в сретение Господа. В этом тоже будет небо. Поэтому небо так ценно для нас... Оно нас манит.

М. Михайлова: Конечно. Праздник неба для церкви — это, наверное, прежде всего Вознесение Господне. Господь, дав ученикам последние свои заветы, поднимается в небо, и Он уходит действительно в эту глубину, в эту синеву небесную. И поэтому для нас теперь небо, которое над нашей головой, — это напоминание, ожидание, что Господь придет. Всякий раз, когда человек смотрит на небо, он может вспомнить то обетование...

Прот. А. Крылов: Да.

М. Михайлова: ...Что «таким же образом, как вы видели Меня восходящим на небо, к вам Я и вернусь». И небо для нас — это что-то такое, что дано каждый день, и в то же время в этом и есть настоящее богообщение: видеть небо, любить его, обращать к нему свой взор.

Прот. А. Крылов: Замечу, что в некоторых местах Священного Писания слово «небо» вообще-то заменяет просто

«Господь». Например, блудный сын говорит отцу: «Я согрешил на небо и пред тобою», или Иоанн Креститель говорит: «Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба», то есть это такая возможная замена... Это, наверно, называется метонимия, да, перенос такой?

М. Михайлова: Да.

Прот. А. Крылов: Тогда понятен нам библейский язык. Давайте мы перейдем все-таки от богословия к созерцанию того мира, в котором мы находимся, в котором мы живем. Небо, действительно, всегда с нами. Человек каждый день видит небо, даже узник в темнице: единственное, чего у него не отнимают, это клочок неба, который можно увидеть в окошко. И, однако же, видим ли мы его?

М. Михайлова: Я очень часто обращала внимание на то, как люди идут по городу. Они смотрят на уровень витрин, автомобилей, светофоров, но если подняться чуть-чуть выше, то уже Петербург, Москва, что угодно окажется удивительно красивым местом. Это уже не бесконечное торжище и вместилище суеты, а очень достойная архитектура. Если мы совершаем следующий подъем, то тогда уже над крышами городскими мы увидим небо, и там всегда — то облака, то птицы, то звезды. Это уже какое-то другое, как сейчас принято говорить, качество жизни, потому что человек таким простым жестом может перейти к совершенно другому пониманию себя. Я уже не тот, кто толчется среди торгующих, а я тот, кто стоит на земле под небом. Мне кажется, это тоже довольно важная вещь: смотрим ли мы на небо, хотим ли мы его видеть?

Прот. А. Крылов: Думаю, небо в особенности подходит для созерцания. Мы не можем упереться глазами в стул или стол и говорить о созерцании. В чем-то смотреть в небо — это как смотреть в себя. Я постараюсь вам пояснить это немножко рационалистическим, что ли, размышлением. Вот синева небесная, и нет облаков, и вы будете смотреть в небо. Для того, чтобы было какое-то созерцательное настроение, нужно, чтобы в нашей голове остановилась болтовня, чтобы мы не говорили с умным человеком, не перебирали события сегодняшнего дня, а мысль всегда лучиком действует, живет, она фокусируется на чем-то. Если наши глаза будут сфокусированы на чем-то, то это может быть важно для такого

научного аналитического рассмотрения. Но если вы будете смотреть в синеву небес и там не будет ни одного облачка, то глаз не сможет сфокусироваться, он будет открыт прямо для этой синевы, и в этом есть какая-то, может быть, помощь для созерцательности. Как если человек будет внутренним своим мысленным взором устремлен сам в себя, что бывает в практике умной молитвы тоже. Это в созерцательной жизни важно.

М. Михайлова: Кстати, этот образ человека, который лежит и смотрит в небо, — это один из образов и мировой, и русской литературы, начиная от князя Андрея на поле Аустерлица, которым нас мучили в школе, когда мы проходили «Войну и мир», и так далее. Очень много стихотворений в русской поэзии посвящено созерцанию неба. И тут еще один момент открывается: оказывается, что небо дневное и ночное — это два разных мира, два разных неба. Все, что мы до этого говорили, как мне кажется, больше относится к небу дня. Вот она, синева небес, рассеянный свет, который объемлет земной мир, а ведь ночное небо другое.

Прот. А. Крылов: Во-первых, поправлю вас. Думаю, что не Андрей Болконский первый смотрел в небо...

М. Михайлова: Конечно, нет, и до него были люди.

Прот. А. Крылов: ...А мы вспомним с вами патриарха Иакова. Он видел лестницу, ведущую на небо, и образ этот потом повторяется, когда Господь говорит Нафанаилу: «Отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому». И небо отверстым видел Стефан, архидиакон, первый мученик. Наверное, эта созерцательность в мученическом ли подвиге или у патриарха ветхозаветного — это то, что для нас является образом: надо смотреть нам в небо.

Теперь про то, как мы воспринимаем небо. Я заглянул в Интернет и скажу вам, что в основном небо чаще всего встречается как обои для «Рабочего стола», то есть заставка на компьютерный экран. И смешно, и грустно. Мне кажется, что у нас небо похищено современной культурой, рационалистической философией, и попробую рассказать сейчас, как это произошло, как это трагичное событие произошло.

У древнего человека и у средневекового вселенная была конечной, и небо было над головой, и оно было наполнено всяческими смыслами, всяческими событиями. Если это были

греки, то Гелиос по небу вокруг земли на своих лошадях путешествовал, там были богини — утренняя заря Эос, Селена... Небо было вполне обитаемым. Мы видим, что в христианской традиции небо, конечно, — это ангельский мир, и если звезда ведет волхвов, то она ведет их по небу, и если на праздник Успения апостолы собираются на облаках, то — вот он, какой мир. Здесь необходимо обязательно пояснить, что значит «на облаках». Древний человек не был таким наивным, чтобы думать, что на облаке можно сидеть. Это про него рассказывают неправду. Они лучше нас видели, восходили на гору и видели, что облако — это туман. Но облако в Священном Писании — это всегда знак тайны, и если апостолы на облаках собрались на Успение Пресвятой Богородицы, то просто можно так прямо и перевести — «таинственным образом». Если в облаке Господь вел богоизбранный народ из рабства египетского — ночью Он столп огненный, днем столп облачный — это тоже таинственно. Моисей восходит на гору Синай, и облако покрывает гору — таинственным образом, значит. Небо было и близким, и обитаемым, и осмысленным. Дальше происходят события. Какие? Вот Коперник, например. У всех ученых аргументы были всегда богословские, но мы сейчас увидим, как развиваются эти события. Коперник сказал, что, конечно, более достойно, чтобы не солнце (а солнце — это образ Христа) вокруг земли совершало свой путь, а чтобы солнце было неподвижным, так как неподвижное более важно, и земля вращалась вокруг солнца. Появляется уже не геоцентрическая, а гелиоцентрическая система. Джордано Бруно сказал, что и другие звезды — как солнца, Галилео Галилей с помощью зрительной трубы уже открывает мириады звезд, и появляется система, в которой все становится уже относительным. Система координат может быть на земле, на солнце, на любой звезде, все равноправно, децентрализовано, а потом Ньютон — и дальше у нас появляется новое переживание пространства, не такое осмысленное и одухотворенное, как было раньше. Какое наше пространство сейчас? Пространство, которому учат школьников? О, это в чем-то даже страшное пространство. Оно пустое. Скажу такие слова научные: оно однородное и изотропное, изотропное — то есть в разных направлениях однородное. Оно и геометрическое: линии, точки, пустота, черный космос пустой.

М. Михайлова: Да.

Прот. А. Крылов: В этом пространстве бесконечном, безграничном нет места какой-то духовной сущности. Поэтому для нас небо со временем исчезает.

М. Михайлова: Я согласна с Вами, но, с другой стороны, то, о чем Вы говорите, это все-таки переживание науки, и, в частности, кризис XVII века очень многие культурологи связывают именно с открытием бесконечности времени и пространства, которое поместило человека в некую механическую повторяемость однородных элементов. К счастью, кроме науки у нас есть, например, поэзия, у нас есть искусство вообще. И тут мы встречаем совершенно другое переживание. Один из самых рационалистических людей на свете Иммануил Кант говорит, что есть две вещи, которые позволяют мне жить: это нравственный закон внутри нас и звездное небо над нами.

Прот. А. Крылов: Он говорит нам: две вещи, чем больше мы в них углубляемся, тем достойнее созерцания. Это у него такой аргумент, для нас неожиданный. Бог Канту не нужен, но звездное небо и нравственный закон — это его два основных постулата.

М. Михайлова: Был ли ему нужен Бог — это отдельный вопрос, но, тем не менее, все-таки возможно ли какое-то другое переживание небес? Даже в рамках уже новоевропейской культуры? Скажем, Федор Иванович Тютчев, который почти наш современник, человек XIX века — все-таки уже близкие к нам времена. Он говорит:

Небесный свод, горящий славою звездной,
Таинственно глядит из глубины,
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Все-таки Земля — это корабль, который плывет среди бездны, это правда, но, тем не менее, эта бездна не является, мертвой, безличной и необитаемой, потому что «небесный свод, горящий славою звездной // Таинственно глядит из глубины». Тут мы можем, конечно, вспомнить и Ломоносова, и Державина, и всю традицию русской поэзии, которая созерцание астрономического неба превращает в хвалебное прославление Творца.

Прот. А. Крылов: Еще Мандельштам размышляет о небе: «О небо, небо, ты мне будешь сниться // Не может быть, чтоб ты совсем ослепло...»

М. Михайлова: «И день сгорел, как белая страница...»

Прот. А. Крылов: Конечно, может быть, обеднение всей культуры происходит. Я попробовал увидеть, тоже с помощью Интернета, а как современные поэты, рок-музыканты, что у них сказано о небе? Может быть, конечно, это слово было не для них, потому что ведь рок должен был противостоять какой-то советской действительности. Так вот, ничего не сказано. Небо упоминается только мимоходом. Только у Гребенщикова, мне кажется, есть слова: «Небо становится ближе с каждым часом...» — как-то так сказано, чуть-чуть.

М. Михайлова: Не интересуются небом?

Прот. А. Крылов: Не интересуются небом, небо становится обоями для «Рабочего стола».

М. Михайлова: Но, с другой стороны, если человек в качестве заставки выбирает себе на «Рабочий стол» небо, он все-таки хочет его видеть. Всякий раз, когда я включаю компьютер, я вижу небо!

Прот. А. Крылов: В двоичном коде.

М. Михайлова: И, может, радуюсь при этом.

Прот. А. Крылов: Неба не было уже и в советской культуре, это были обычно штампы. Там, например: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я», или «мирное небо над головой» должно быть. Или «что тебе снится, крейсер Аврора»: там какие-то есть слова «синее небо»...

М. Михайлова: «В час, когда утро встает над Невой».

Прот. А. Крылов: «Синее небо над головой...»¹.

М. Михайлова: Да-да.

Прот. А. Крылов: Небо потеряло свою одухотворенность, потеряло высший смысл, да его и в жизни уже не было в то время. Нам нужно его вернуть.

М. Михайлова: Для того чтобы его вернуть, какие есть средства? По-видимому, простое переживание красоты не-

¹ В старой детской песне дела обстояли все-таки не так банально: «Дремлет уснувший северный город, // Низкое небо над головой».

бес. Между прочим, это тоже момент, на который я всегда обращаю внимание. Сейчас люди очень мало времени проводят, что называется, в реальном мире, в природном, например, в общении друг с другом, и очень много времени проводят в виртуальном мире. Вы, вероятно, тоже замечали: раньше, когда люди ходили в гости, считалось неприличным включить телевизор, потому что к тебе человек пришел, ты с ним будешь говорить. Сейчас телевизор постоянно что-то балабасит, и всем от этого неплохо. Или: как выезжает современный человек на природу? Он едет в какой-нибудь гипермаркет, там покупает угли, мангал и шашлычное ведро с каким-то ужасным содержимым. Они выезжают на поляну, делают два шага ровно от машины, вот столько, чтоб резину себе не обжечь об этот мангал. Быстренько съедают все, смотрят, конечно, на землю, чтобы шашлык не сгорел, и возвращаются обратно. В этом есть какая-то загадка, потому что наша цивилизация, как мне кажется, ее механизмы очень многие как раз и направлены на то, чтобы человек смотрел на этот вот низкий уровень бытия. На небо — чего туда смотреть? Погоду нам расскажут по телевизору, для этого не надо поднимать глаза в небо, нам уже все рассказали. И вот мы лишаемся неба в каком-то смысле по собственной воле, потому что мы не интересуемся им, не заняты им. А в больших городах посмотреть на небо — это даже проблематично. Вы обращали внимание, что вечером и хотел бы увидеть звезду, а вместо этого видишь марево желтоватое от фонарей?

Прот. А. Крылов: Конечно. Или провода видишь, которыми небо затянуто, как сетью.

М. Михайлова: Да, это тоже, кстати, интересно, потому что чистого неба, не перечеркнутого никакими линиями, в городе практически не существует.

Прот. А. Крылов: Конечно. Это общий процесс отчуждения. Вот вы говорите: «Когда люди выезжают на природу»... Самого понятия «природы» для тех, кто жил еще в XVIII веке в своем поместье, не было, оно не было нужно. Они жили: лес, речка, поле, сад, и там они жили. Для нас это все уже «природа», мы «выезжаем на природу». Но это значит, мы потеряли уже лес, речку, сад, это теперь «природа». Так же мы потеряли и небо, в которое мы смотрим и которое включено в нашу жизнь. Какая теперь погода, когда че-

ловек с утра садится в автомобиль? В автомобиле всегда, и даже летом, кондиционер, в автомобиле нет теперь погоды. Когда-то еще более трагичный процесс произошел, обозначенный словом «религия». Хотя это слово древнее, латинское, восходит к «religare» — восстанавливать связь, имеется в виду связь с Богом, но сейчас говорят об этом совершенно отвлеченно. Мы сами иногда говорим о «религии», но ведь деды наши и прадеды бы нас не поняли, они размышляли изнутри, они были христиане, они размышляли о **вере**. Мы изъяты из веры, как будто бы мы со стороны смотрим и с некой объективной точки зрения говорим о разнообразии религий, о превосходстве нашей религии. Это слова холодные, это слова, которые нам нельзя дать другим.

М. Михайлова: Я согласна, это уже бессильное рассуждение. У нас есть звонок, мы с удовольствием слушаем. Пожалуйста, говорите.

Слушательница: Добрый вечер!

М. Михайлова: Здравствуйте!

Слушательница: Если позволите, я напомним слова Павла Флоренского из письма к детям.

М. Михайлова: Да.

Слушательница: «Почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или на лазурь днем».

М. Михайлова: Спасибо. Это действительно чудесные слова, которые многие из нас могли бы и свои детям сказать: «Когда вам будет грустно, смотрите на небо». Эта тема неба, которая открывает Библию, действительно проходит красной линией через все богословие библейское и, как мы сейчас пытаемся выяснить, через нашу жизнь тоже. Получается, что по отношению к небу и определяется человек. Нужно ли тебе Царство Небесное? Это, наверное, один из главных вопросов. Мы должны на него отвечать. У нас есть еще звонок. Здравствуйте. Говорите, пожалуйста.

Слушательница: Здравствуйте.

М. Михайлова: Здравствуйте.

Слушательница: Я хотела бы с вами поделиться своими размышлениями. Недавно я думала о том, что в молодости бывали такие мгновения счастья, когда как бы небо спускалось к тебе в душу. И ты чувствовал себя единым целым с этим миром, и весь мир был в тебе, а ты в мире, а вот в

пожилом возрасте таких мгновений нет, но все-таки еще бывают, когда мы смотрим на иконы. Хочу к вашему разговору сказать. Когда мы идем из Смоленской церкви мимо Ксении Блаженной, там есть мозаичный образ Иисуса Христа на улице. Представляете, кто-то выдрал глаза мозаичные, и это смотрится, как будто небо человек разрушил. И мимо проходить просто больно.

М. Михайлова: Да.

Слушательница: Как человек может относиться к этому? Это та ложка дегтя, которая мучает нас часто. Простите.

М. Михайлова: Спасибо вам. Батюшка, может, Вы что-то скажете?

Прот. А. Крылов: Я скажу, скажу слова Псалтири, и это слова, которые нас призывают: «Небо — Господу, а землю Он дал сынам человеческим». Значит, на земле мы с вами ответственны. Кто-то, может, размышляет так: а почему Господь не возьмет и не скажет нам: «Когда-то я изгнал с неба вас, а теперь прощаю, заходите на небо»? Что тогда с родом человеческим будет? Тогда на небе было бы то же самое, что на земле. Значит, только тот, кто пройдет путь, кто будет верен Богу, Христу Богу, даже до смерти, — тот будет достоин неба и Царства Небесного. А если просто бы нас всех позвать на небо...

М. Михайлова: Мы там землю устроим в самом дурном варианте.

Прот. А. Крылов: Пока Господь дал землю нам, сынам человеческим, и наша задача здесь, на земле — преобразить эту землю. Может быть, это невозможно сделать для всех, но хотя бы мы, христиане, должны над этим трудиться. Мы, чающие нового неба и новой земли, можем трудиться, быть милосердными и служить красоте небесной, красоте храма, красоте православного богослужения. И через это мы будем служить небу.

М. Михайлова: Да. Ну что ж, нам приходится уже завершать наш разговор, и мы благодарим вас, дорогие слушатели, за ваше участие в беседе и желаем всем смотреть на небо и помнить о Господе, для Которого небо — дом Его и подножие ног Его. Ждем вас через неделю. Спасибо, всего хорошего.

Прот. А. Крылов: Спасибо!